

Внеочередной XXI съезд КПСС торжественно открылся в Кремле 27 января 1959 года. Говорили о достигнутых успехах, отец отметил в докладе, что с появлением совнархозов экономика заработала эффективнее, за это время почти в полтора раза сократилось количество предприятий, не выполнявших план, повысилась производительность труда, прирост производства продукции за 1958 год, первый пореформенный год, по сравнению с предыдущим, составил 17 миллиардов рублей, а сверхплановая экономия от снижения себестоимости дала еще 10 миллиардов. Говоря о ближайшем будущем, отец сделал упор на развитие Сибири и Дальнего Востока, туда, в «промышленную целину», направляли львиную долю капиталовложений.

Всех обрадовало обещание отца уже в этой семилетке перестать взимать налоги с населения. По его мнению, налоги дают всего 7,8 процента доходов бюджету, и с ростом экономики от них можно отказаться. Постепенно, конечно, без спешки, «после всестороннего изучения и надлежащей подготовки».

Упоминались, естественно, и недостатки, но на фоне грандиозных успехов они казались легко преодолимыми помехами.

Съезд одобрил основные параметры семилетнего плана. Цифры я перечислять не стану, они сейчас интересны разве что историкам-статистикам. Отец учел опыт неудавшейся шестой пятилетки. На сей раз все было досконально обсчитано Госпланом, оговорено с совнархозами и госкомитетами. Реальность плана ни у кого сомнений не вызывала. На ближайшей Сессии Верховного Совета СССР директивы съезда облачились в форму закона.

Естественно, все понимали, и в первую очередь отец, что выполнение семилетки будет сложным, но на то и проблемы, чтобы их преодолевать. Отец смотрел в будущее с оптимизмом. Он и не подозревал, что в 1965 году подводить итоги семилетки «товарищи» будут уже без него.

Пока же все говорили об успехах, предрекали еще большие успехи, хвалились сами и до небес превозносили и неумно цитировали отца. Так у нас повелось исстари, без словословия какая же это власть?

Восхваления отца резали мне слух, я решил поговорить с ним, но не успел. В один из выходных, на обеде с «товарищами», у нас на даче за столом собралось человек пятнадцать-двадцать, отец сам затронул «больную» для меня тему.

– Мы только что осудили культ личности Сталина, – сказал он, – и теперь возвращаемся к тому же. Негоже это, нас не поймут. Надо работать, а не нахваливать друг друга.

Отец говорил долго, как всегда, приводя конкретные примеры, а к концу речи вообще рассердился. Что тут началось! Стоило отцу замолчать, как «товарищи» наперебой стали восхищаться его скромностью, уверять, что они лишь фиксируют данность, а с данностью ничего поделать нельзя.

– Культ личности – это незаслуженное восхваление, – убеждал отца Суслов, – мы же констатируем достижения и ваш вклад в них. Наши успехи не отрицают даже наши враги.

«Товарищи» дружно поддержали Михаила Андреевича, а Брежнев тут же провозгласил тост «за скромность». Отец стушевался, не мог же он отрицать успехи, о которых недавно

докладывал делегатам съезда. И сам он делал все, что мог, выкладывался до последнего, чтобы обеспечить эти успехи. Не скажешь же: «Нет, я тут ни при чем». Очень даже при чем!

Отец, уже не очень уверенно, пробормотал, что несмотря на успехи, хвалить друг друга надо поменьше, а его – в особенности. Слова потонули в буре протеста. Аргументы «товарищей» показались мне логичными, отец действительно старается изо всех сил, но чувство внутреннего неудобства не исчезло. Не исчезнет оно и в будущем, но и говорить с отцом о «культе личности» охота у меня пропала.

Замечу, что с утратой власти «личностью», восхваление, как это тоже водится в России, в мгновение ока переходит в еще более «искреннее» поношение.

Новый ЦК на XXI съезде не выбирали, он собрался вне расписания, и старые полномочия еще не истекли. В результате на съезде отсутствовала главная интрига, когда и потенциальные кандидаты, и их болельщики, и просто наблюдатели вроде меня гадают, кого включают в списки, а кого нет. Без выборов XXI съезд показался публике скучноватым.